

ФАКТ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

С.В. Доронина

Ключевые слова: факт, мнение, оценка, дескриптивность, верифицируемость, презумпция знания.

Keywords: fact, opinion, estimation, descriptiveness, verifying, knowledge, presumption.

Проблема соотношения высказывания с объективной действительностью, обсуждающаяся в рамках различных направлений лингвистики, требует выяснения вопроса, каковы феноменологические признаки факта, противопоставляющие его другим языковым (или речевым) сущностям.

Исследование субъективного начала в языке и речи имеет давнюю традицию. Весьма популярными являются субъективистские теории языка и сегодня. Так, например, согласно теории языковой относительности Б. Уорфа и Э. Сепира внешний мир соотносится с его речевым отображением, как территория соотносится с картой. При помощи языка говорящий расчленяет недискретный континуум действительности, выстраивая индивидуальный образ объективной реальности. Поэтому в языке любые высказывания приобретают аксиологическую маркированность, поляризуются. Данное стремление в первую очередь проявляется в отборе сообщаемой информации. Аксиологическое членение объективной реальности также проявляется в выборе номинаций для описания ситуаций, имевших место в действительности, и таким образом индивидуализируется, теряя связь с внешним миром. Данные теории вынуждают признать отсутствие объективной информации в высказываниях естественного языка, в то время как для эффективного решения задач судебного речеведения необходимо допустить наличие в высказывании как субъективного, так и объективного начал и описать средства выражения того и другого.

Вопрос о соотношении языка и действительности активно обсуждался в рамках логического анализа естественного языка. Первоначально он был поставлен в связи с проблемой исчисления высказываний. В классической логике свойством верифицируемости обладают грамматически оформленные суждения. Однако по данному признаку они не противопоставлены какой-либо иной логической сущности. Проверку на истинность проходят простые и сложные суждения, а также умозаключения. Более того, в продолжение идей классической логики процедура исчисления применяется и в модальной логике. Неклассическая логика дает возможность рассмотреть суждение не как имеющееся или отсутствующее, но и как возможное, должное, повелительное и пр. При этом истинность модальных суждений определяется с использованием понятия возможного мира. Такое допущение расширяет классическое определение истины и обуславливает логику модального рассуждения. Истина и ложь теперь не выступают абсолютными характеристиками суждения, а исчисляются с указанием на возможный мир. Произвольное высказывание выступает как *возможно истинное* (для одного из возможных миров), *актуально истинное* (для реального мира), *необходимо истинное* (для всех возможных миров). Таким образом, истинность / ложность суждений в классической и современной логике является универсальным оператором, а не операциональным признаком какого-либо одного вида суждений.

Поскольку в рамках логического анализа естественного языка первоначально логические и языковые свойства высказываний отождествлялись, значение предложения представлялось эквивалентным знанию условий его истинности [Тарский, 1948]. В соответствии с указанными логическими презумпциями определение факта, данное Г. Фреге («факт – это такая мысль, которая истинна» цит. по: [Философия. Логика. Язык, 1987, с. 17]), противопоставляет его бессмыслице, то есть высказываниям, не имеющим экстенционал. «Мысль не изменится от того, имеет ли субъект предложения референта или нет, но она потеряет значимость, если он узнает, что ее нельзя ни к чему отнести» [Фреге, 1987, с. 18].

Тем не менее идея соотношения высказывания с действительностью оказалась продуктивной для дальнейшего развития лингвистики и нашла свое воплощение в понятии «пропозиция». Одним из первых определение пропозиции дал Л. Витгенштейн. Пропозиция в его понимании есть информация о мире, *внешняя* по отношению к человеку. Пропозиция непосредственно соотносится с миром, повторяя своим строением структуру фактов действительности, и в то же время это ментальная сущность, порожденная в процессе отражения действительности: «это картина реальности, модель реальности, какой мы ее себе мыслим» [Витгенштейн, 2005, с. 88]. Однако в концепции Л. Витгенштейна предложение, являясь пропозициональным знаком, не рассматривается как носитель какого-либо иного знания, кроме информации об объективной реальности. Данный аспект получает разрешение в концепции языковой игры, развитой им в дальнейшем. Аналогичное понимание пропозиции находим у Л. Линского: «...пропозиция является носителем независимой от познающего субъекта истины» (цит. по: [Остин, 1987 с. 52]). Б. Рассел также определял пропозицию как информацию, полученную в процессе познания внешних объектов. Пропозиция, по Расселу, обладает тремя конституирующими признаками: она изоморфна действительности, способна быть истинной или ложной, способна сочетаться с глаголами пропозиционального отношения.

Таким образом, применение принципов классической логики к семантике высказываний естественного языка привело к выявлению в их смысловой структуре информации, носящей характер объективный, внешний по отношению к говорящему. В то же время полное отождествление пропозиции и факта как единиц разной природы невозможно. Факту присущ признак соотносимости с объективной реальностью, однако способность быть истинным или ложным не разграничивает объективные и субъективные

высказывания. Данные операторы пригодны в равной степени и для фактов, и для мнений, убеждений, предположений. Б. Рассел доказывает этот тезис на примере прорицателя, который на основании Откровения Иоанна Богослова утверждал, что в Египте в скором времени произойдут беспорядки. «Его мнение оказалось истинным, однако не перестало быть мнением» [Рассел, 1999, с. 254].

Третий признак пропозиции, сочетаемость с глаголами пропозиционального отношения, тем более не может быть положен в основу выделения фактов, поскольку небазисные предикаты сами по себе способны влиять на коммуникативный статус высказывания, выражая различные коммуникативные установки (*знаю, уверен, предполагаю*).

Таким образом, из трех различительных признаков пропозиции, выделенных Б. Расселом, главным признаком факта следует признать объективность, внеаходимость по отношению к говорящему субъекту. Как семантическая сущность фактивное высказывание противопоставлено интерпретационности [Апресян, 2006], которая проявляется прежде всего в оценочных лексемах, экспрессивных и метафорических выражениях, встречающихся в составе предложений. Специального внимания требует семантика базисных предикатов, в структуре значения которых возможно наличие модальных компонентов. Полагаем, что денотативно-сигнификативный план значений слов в составе предложения / высказывания играет намного большую роль в решении вопроса об информативном статусе высказывания, поскольку именно он согласно семантическому треугольнику Ч. Огдена и А. Ричардса формируется в результате отражения объективной действительности в сознании носителя языка.

Однако факты в языке противопоставлены другим типам высказываний одновременно в двух плоскостях: семантической и прагматической. Как прагматическая сущность фактивное высказывание оппозитивно открытому ряду иных иллокутивных функций: волеизъявлениям, побуждениям, этикетным высказываниям, различного рода комиссивам (обещания, клятвы, угрозы), вопросам и пр. Попытка противопоставить объективные и субъективные высказывания по коммуникативно-прагматическому основанию представлена в [Рябцева, 1994]. Автор исходит из того, что иллокутивная функция любого высказывания формируется из трех коммуникативных установок. Говорящий осуществляет локутивный акт, когда он желает либо сообщить информацию, либо выразить свою эмоциональную или рациональную реакцию на происходящее, либо изменить события внешнего мира. Поэтому одному и тому же пропозициональному содержанию, диктуму, может быть придан различный коммуникативный смысл, превращающий его в сообщение, речевое действие или в аксиологическую реакцию. Ср.: *«Дверь открыта (сообщение); Не откроешь ли дверь! (просьба); Дверь-то открыта; Опять дверь открыта (аксиологическая реакция на ситуацию — удивление, недовольство, радость и т.п.)»* [Рябцева, 1994, с. 83].

Полагаем, что данная оппозиция должна быть детализирована для высказываний, комбинирующих различные типы прагматических и денотативных значений, а также для сообщений, сделанных с различной долей уверенности. На этом основании факт может быть противопоставлен следующим типам высказываний.

Факт и мнение. Известна попытка вывести модус фактивности из аномального высказывания, известного в логике как парадокс Мура (см., например: [Бринев, 2009]). По мнению автора, невозможность выражения *«Идет дождь, но я так не считаю»* в естественном языке доказывает, что модус «я считаю, что X» является показателем фактивности. Несостоятельность данного тезиса может быть доказана путем модальных преобразований базового высказывания: предложения с модальными операторами мнения *Идет дождь, но я так не думаю – Идет дождь, но мне так не кажется – Идет дождь, но я в этом не убежден* и т.д. также аномальны, поскольку модус полагания не может сочетаться с предложением, содержащим более сильный оператор «знание о Р». Знать об истинности факта и одновременно иметь мнение о его ложности невозможно. В этом смысле более вероятным представляется употребление предложения, содержащего фактивные модальности противоположных знаков (*Идет дождь, но я этого не знаю*): *«Представляет, на улице дождь стеной, но я-то этого не знаю, выхожу без плаща – и вот результат, промок до нитки!»*). В таком предложении модусы знания и незнания об истинности факта относятся к разным временным планам и являются маркерами «исторического» настоящего в составе сложного предложения.

Подобная попытка разграничения факта и мнения была предпринята еще Дж. Остином [Остин, 1987]. Им была создана аномальная конструкция *«Я знаю, что Р, но я могу ошибаться»*, доказывающая наличие модальности достоверности у глагола «знать». Однако такая конструкция вновь оказывается недостаточно информативной для разграничения факта и мнения, поскольку не иллюстрирует различий между знанием факта и уверенностью в его существовании. Сам Остин осознает, что «между даже таким сильным утверждением, как “Я абсолютно уверен” и высказыванием “Я знаю” все равно существует огромное различие» [Остин, 1987, с. 77]. Однако, в чем заключается это различие, из его модели остается неясным.

Наиболее точно различие между фактом и мнением было сформулировано З. Вендлером [Вендлер, 1987]. По Вендлеру, близость факта и мнения, затрудняющая их разграничение, обусловлена дескриптивной природой обоих суждений. Это дает им возможность соответствовать или не соответствовать реальной действительности, то есть быть истинными или ложными. Однако фактивное суждение имеет внешний источник, оно представляет собой описание реально существующей ситуации. Мнение имеет ментальную природу, оно есть результат интеллектуального моделирования действительности. «Мнения и точки зрения <...> являются внутренними объектами. Они зарождаются и формируются, принимаются, вынашиваются и порой оставляются...» [Вендлер, 1987, с. 304]. Таким образом, различие фактивного суждения и мнения

лежит в плоскости «объективное – субъективное». Фактивное высказывание в естественном языке чаще всего имеет нулевой способ выражения. Самым ярким вербальным маркером фактивности вновь признается глагол «знать». Рассуждая о различии перформативности глаголов «обещать» и «знать», З. Вендлер определил значение глагола «знать» так: «Когда я говорю “Я знаю, что Р”, я приписываю мое субъективное состояние некоторой особой причине, а именно тому факту, что Р» [Вендлер, 1987, с. 297]. Выражение «я знаю, что Р» имеет пресуппозицию «Р находится вне субъекта, в объективной реальности», при этом ментальное действие «знание» предполагает когнитивное освоение того, что находится вне мыслящего субъекта.

Значение путативности имеет широкий спектр лексических средств выражения, поскольку мнение может быть выражено с разной степенью уверенности. Проблема разграничения средств выражения факта и уверенного мнения требует дальнейших усилий лингвистики.

Факт и директива. Фактивные высказывания сообщают о событиях внешнего мира, в то время как директивы нацелены на создание нового положения дел. «Сообщения эпистемичны, речевые действия интенциональны» [Рябцева, 1994, с. 85]. Именно поэтому речевое действие не может быть истинным или ложным [Серль, 1987]. Возможность исчисления и дескриптивность – главные отличительные признаки данных типов высказываний.

Факт и аксиологическое суждение. Из всех компонентов плана содержания наименее конкретными являются оценочны семы. Качественный (хорошо – плохо) признак в структуре значения хоть и предполагает существование представлений о норме в естественном языке (иначе все лексемы данной семантики были бы лишены смысла), однако эта норма не дискретна. Оценочная шкала имеет широчайшую зону вариативности. Именно поэтому присутствие того или иного оценочного компонента в структуре значения говорит не об объективных свойствах референта, а скорее об особенностях концептуальной системы индивида, высказывающего данное суждение (см. об этом: [Вольф, 1985]). Все перечисленные свойства оценочных лексем не позволяют произвести однозначную верификацию утверждений, содержащих качественную оценку. Таким образом, главным отличительным признаком фактов и оценочных суждений является интерпретативность. Оценочным суждениям, в отличие от фактов, также свойственна операциональность [Рябцева, 1994]: они не называют новых фактов, а входят составной частью в дескриптивные высказывания.

Факт и суждение квантификации. Коммуникативный статус высказываний, содержащих лексемы количественной оценки, не может быть однозначно определен. Оппозиция «много – мало» в зависимости от степени точности и конвенционализированности измерительной шкалы, налагаемой на событие, может носить как объективный, так и субъективный характер. Ср.: *Х практически ничего не делает для развития образования в крае. Не потому ли на выборах он набрал ничтожное количество голосов.* В первом предложении употребление словосочетания «практически ничего» не имеет под собой объективного критерия оценивания и представляет собой субъективное суждение отдельного лица. Во втором предложении выражение «ничтожное количество», будучи также крайне неконкретным, все же описывает ситуацию более точно, поскольку применительно к ситуации выборов существует общепризнанные квантитативные критерии, выражаемые в числовых эквивалентах. «В научном познании <...> измерение и количественная оценка означают одно и то же – численную квантификацию, в идеале никак не зависящую от человека <...> Практический опыт (в отличие от научного познания) соотносит количество не столько с точной шкалой, сколько с жизненными ситуациями, и поэтому здесь оценка количества психологизируется, субъективируется и превращается в аксиологизацию <...> В обыденном сознании количество “опредмечивается”, а не измеряется, и поэтому окрашивается психологическим отношением к нему» [Рябцева, 2000, с. 109]. Таким образом, информационный статус суждения квантификации зависит от точности количественных показателей, сообщаемых в предложении, и от типа описываемой ситуации.

Факт и выводное знание. В естественной речи нередко высказывания, появление которых, как подсказывает реципиенту здравый смысл и коммуникативный опыт, не обусловлено непосредственным наблюдением говорящего за событием. Такие суждения предваряются логическим достраиванием события, попыткой связать причинно-следственными отношениями разрозненные факты, рассуждением по аналогии и, как правило, не могут быть подтверждены свидетельствами очевидцев или документально. Ср.: *Были простимулированы соответствующие чины; Заказчиком преступления был Х; Отзывы оппонентов были хорошо проплачены.* В данном случае возникает вопрос о возможности отнести к фактивным высказывания, референтом которых выступает ситуация, не наблюдаемая говорящим непосредственно. По этому поводу лингвистами высказывались отдельные мнения: «Фактом считают то, что подтверждено жизнью или логикой рассуждения» [Арутюнова, 1988, с. 348]. Однако наиболее активно данный вопрос обсуждается в философии и логике, породивших несколько теорий истинности¹.

Эмпирическая теория признает истинными только те события, которые доказаны на основе свидетельств. Логическая теория истины допускает возможность событий, с которыми никто не сталкивался на опыте, а также суждения, которые являются истинными, хотя не может быть никаких свидетельств в их пользу. Таким образом, истина не ограничивается суждениями, подтверждаемыми сиюминутным

¹ Мы рассмотрим только те из них и только в том объеме, которые считаем релевантными для решения лингвистической проблемы разграничения факта и нефактивных высказываний.

восприятием. В истории логики данные концепции находятся в отношениях конкуренции, суть которой точно формулирует Б. Рассел: «Мы можем различать 4 группы событий: (1) те, с которыми я сталкиваюсь на опыте, (2) те, в которых я убежден на основе свидетельств, (3) те, с которыми сталкивалось на опыте человечество, (4) те, которые допускаются физикой <...> Поскольку никто не принимает группу 1 как единственную, я делаю вывод, что не существует подлинных эмпиристов, и что в правоте эмпиризма, хотя он и неопровержим логически, на самом деле не убежден никто» [Рассел, 1999, с. 345]. По Расселу, истинное суждение и верифицируемое суждение не тождественны: первое шире второго. Истина в данной концепции представляет собой фундаментальное понятие, знание же определяется через истину. Отсюда следует, что суждение может быть истинным, хотя и не верифицированным, то есть верификация не является обязательным признаком факта. Сообщение о событии, реконструированном на основании предыдущего опыта говорящего или на основании общеизвестных сведений, имеет право занимать в коммуникативном акте статус более весомый, нежели субъективное мнение отдельного лица. Подтвердить статус факта таким сообщениям позволяют истинность посылок и правильное употребление правил логического вывода: «В корреспондентной теории (истины – С.Д.) истинность базисных (выводимых из наблюдения) суждений зависит от их отношения к некоторому событию, истинность других суждений зависит от их синтаксических отношений с базисными суждениями» [Рассел, 1999, с. 327].

Таким образом, для коммуникации важен не способ установления знания, а способ его оформления говорящим. Если автор высказывания оценивает источник информации как вполне надежный, совершенно уверен в истинности начальных посылок и оформляет суждение о данном объекте без включения в высказывание маркеров субъективной модальности, то он, следовательно, несет ответственность перед слушающим за достоверность логических построений. Если же автор предупреждает слушателя о том, что все последующие суждения есть результат его размышлений, то он, таким образом, придает им статус мнения, поскольку привносит в высказывание субъективность индивидуального восприятия мира. Ср.: *Но в нашем случае бизнес приходит в коммуналку лишь с пустым кошельком и желанием его наполнить. Именно такой неутешительный вывод напрашивается после анализа доходов и расходов «Алтайэнерго» за прошлый год (газ).*

Факт и суждение о состоянии другого лица. Одной из разновидностей выводного знания выступают суждения о чувствах, мыслях, намерениях другого лица (*Х волнуется, хочет, боится, имеет целью...*). В случае, если говорящий не получал прямых сообщений о внутреннем состоянии персонажа, он может восстановить его лишь по косвенным, далеко не всегда достаточно информативным, признакам: «Ситуация, когда мы знаем, что другой человек думает, что дважды два четыре или что он видит мышь, отличается по ряду важных параметров от той ситуации, когда мы знаем, что человек раздражен или голоден» [Остин, 1987, с. 81].

Мысли и чувства человека скрыты от непосредственного наблюдения. Утверждать зависимость внутреннего состояния от тех или иных внешних раздражителей можно только с большой долей условности, поскольку в этой сфере имеется широчайшая зона вариативности: люди могут быть очень не похожи друг на друга. «Здесь <...> многое зависит от того, насколько близко мы знакомы с определенным типом людей и конкретно с данным человеком, с его поведением в сходных ситуациях» [Остин, 1987, с. 81]. Все сказанное требует отнесения целой группы суждений о внутреннем состоянии другого лица к мнениям безотносительно к тому, какой способ изложения информации избирает говорящий.

Выше перечислены основные типы высказываний, которые необходимо отличать от утверждений о факте. На основании данного сопоставления к фактам следует относить высказывания со следующими признаками. Фактивное высказывание дескриптивно, объективно, проверяемо, его источником являются как наблюдение за объективной реальностью, так и интеллектуальная реконструкция на основании предыдущего опыта говорящего или на основании общеизвестных фактов. Фактивное высказывание имеет форму утверждения с пресуппозицией знания и накладывает на говорящего ответственность за его соответствие действительности.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.
Вендлер З. Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999.
Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка : язык речевых действий. М., 1994.
Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира. // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
Философия. Логика. Язык. М., 1987.
Фреге Г. Мысль : логическое исследование // Философия. Логика. Язык. М., 1987.

ИСТОЧНИК: Доронина С.В. Факт: семантика и прагматика // Юрислингвистика-11: право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. К.И.Бринёв. Кемерово: КемГУ, 2011.